

Роснуты: исторические корни бурятской группы и причины утраты этнонима

С.Б. Болхосоев

Восточно-Сибирский государственный институт культуры,
ул. Терешковой, 1, Улан-Удэ, Республика Бурятия
stanislav_bolhos@mail.ru

Статья поступила 27.02.2020, принята 10.03.2020

Статья посвящена изучению этногенеза и этнической истории бурятской группы «роснут». Опираясь на анализ исторических документов, этнонима и устных преданий бурят, автор приходит к выводу о том, что происхождение данного формирования, его сложение, возникновение наименования и утрата последнего связаны с этнополитическими процессами, происходившими на территории Прибайкалья начиная с конца позднего средневековья до XIX в. Авторское осмысление проблематики представляет новый взгляд на этническую историю группы и интерпретацию этнонима.

Ключевые слова: происхождение; группа; этноним; этимология.

The Rosnuts: historical origins of the Buryat group and the reasons for the loss of the ethnonym

S.B. Bolkhosoev

East-Siberian State Institute of Culture; 1, Tereshkova St., Ulan-Ude, Republic of Buryatia
stanislav_bolhos@mail.ru

Received 27.02.2020, accepted 10.03.2020

The article deals with the ethnogenesis and ethnic history of the Buryat group "The Rosnuts". The author, through the analysis of historical documents, the ethnonym and Buryat oral tradition, comes to the conclusion that the origin of this formation, its addition, the appearance of names and the loss of the ethnonym is due to ethno-political processes taking place in the territory of the Baikal region since the end of the late Middle Ages to the XIX century. At the same time, a new look at the ethnic history of the group and the interpretation of the ethnonym is proposed.

Keywords: origin; group; ethnonym; etymology.

Происхождение и родоплеменной состав бурятского народа неоднократно становились предметом исследования многих ученых, начиная с XVIII по XXI вв. За это время был наработан большой научный материал, особенно продуктивным в этом плане выдался XX в. и последующие за ним два десятилетия XXI столетия. Тем не менее, многие исторические моменты, связанные с прошлым бурят, нуждаются в дополнительном изучении. Это обусловлено все еще неразрешенными проблемами этногенеза и этнической истории бурят в целом и в частности вопросами происхождения и формирования их отдельных родоплеменных групп. В этом отношении вызывает интерес этническая группа под названием *роснут* (или *руснут*, *уруснут*, *урусурнат*), известная только по историческим сведениям XVII в. Стоит сказать, что данный этноним также не отмечается совре-

менной бурятской этнографией. Но надо полагать, что утрата имени не означает исчезновение этнической группы. Поэтому нам хотелось бы рассмотреть по этому моменту вопросы, несомненно, актуальные с точки зрения их исследования, решение которых позволит осветить некоторые стороны прошлого бурятского этноса.

Приступая к изучению указанной проблемы, для начала обратимся к существующим литературным материалам, освещающим данную тему. Первые упоминания о роснутах мы находим в актах русских служилых людей, вступивших в середине XVII в. в тесный контакт с приангарскими бурятами. Судя по историческим записям, роснуты локализовались в юго-западной части бурятских кочевий, между Ангарой и Восточными Саянами. Их соседями являлись крупное объединение булагатов, меньшее по численности — хонго-

доров и других родовых групп (хабарнутов, тэртэвцев, шошолоков и т. д.) [1, с. 300], известных и в настоящее время. Но чаще всего роснuty, согласно русским сведениям, фигурируют вместе с хонгодорами. Это, например, дало основание исследователю Б.О. Долгих говорить о них как о хонгодорском компоненте, о двойном названии этнической группы, представлявшей племя, которое одним именем (роснут) обозначалось в Енисейском уезде (в Балаганске), а другим (хонгодор) — в Иркутском [1, с. 300].

Данная идея была поддержана и развита в исследованиях Д.С. Дугарова, высказавшего мнение, что хонгодоры (бур. *хонгоодор*) под названием «урасут» / «урсут» (роснут) были известны с XIII в. [2, с. 213]. На что делает поправку Б.Р. Зориктуев, предполагающий, что урасуты / урсуты не являются хонгодорами, а выступают этнической группой, пребывавшей в средневековье на Енисее, часть которой, по каким-то причинам оказавшись вблизи Байкала, стала проживать вместе с хонгодорами, что впоследствии привело их к инкорпорации в состав последних в качестве рода [3, с. 152, 159].

При этом оба исследователя придерживаются мнения о тюркских корнях хонгодоров / урасутов (роснутов). Основанием для этой версии выступают тотемическое воззрение хонгодоров, связанное с культом лебедя, распространенным у тюркоязычных этносов Центральной Азии и Сибири [2, с. 224, 231], а также расшифровка этнонимов, которая, согласно концепции Д.С. Дугарова, объясняется на основе тюркского лексического материала и включает общий символ, связанный с почитаемой птицей. Т. е. слово *хонгоодор*, разложимое на *хон* «солнце» + *гоо* «лебедь» + суффикс множественности *-дор*, выражает понятие «Солнечной Лебедицы потомки», а *урасут* (*роснут*), состоящий из *ürü(n)* + суффикса *-с* + бурятского (монгольского) окончания множественного числа *-нууд*, — «белый, светлый, священный» [2, с. 214, 227, 230]. Тем не менее, заметим, что лингвистический анализ последнего названия оставил без объяснения причину востребованности монгольского суффикса у древних носителей этого имени, представлявших часть тюркского массива. Следовательно, нельзя признать удовлетворительной гипотезу о причастности предбайкальских роснутов к урасутам/ урсутам, а это значит, что лингвистический разбор этнического названия следует искать в другом языковом фонде.

Следующий исследователь, Е.В. Павлов, в целом соглашаясь со многими аргументами Д.С. Дугарова, предложил иную гипотезу происхождения роснутов (хонгодоров). Точка зрения ученого базируется также на этимологии этнонима, по которой его возникновение связано с влиянием древних индо-иранских элементов, привнесших лексему

урус (*urs / urus*) в тюркскую среду, в которой она преобразовывается посредством окончания множественного числа *-нар* в *уруснар* и, подобно слову *хонгоодор*, имеет значение (связанное с образом лебедя) «белые, светлые» [4, с. 121]. Несмотря на оригинальность данной гипотезы, недостатком является предложенный Е.В. Павловым лингвистический аспект, основанный на подмене названия *урусурнат*, выданного «уруснартами» («уруснар») [4, с. 120, 121] и не фиксируемого в исторических документах. Отметим, что в вариантах слов *роснут*, *руснут*, *уруснут*, *урусурнат* [1, с. 300] нет тюркского аффикса множественности, а представлена только бурятская (монгольская) форма — *нут/нат* (*-нууд/над*). Следовательно, данный момент ставит под сомнение положение об индо-иранском (или тюркском) происхождении имени и, соответственно, базисной (субстратной) основе его носителей. Это дает повод иного решения роснутской проблемы, а шире — хонгодорской. Таким образом, представленные точки зрения оставляют открытыми многие вопросы, связанные с происхождением роснутов, с их этнической историей и лингвистическим обоснованием этнонима.

Наше видение «роснутской проблемы» исходит из того, что истоки формирования этнической группы непосредственно связаны с Предбайкальским краем. Это говорит о том, что этническая история роснутов тесно связана с историей бурятских групп. Особый интерес вызывает форма их социального объединения — родовая группа или племенное образование? Вопрос достаточно сложный ввиду отсутствия достоверных сведений, хотя вышеуказанные ученые в этом вопросе имеют более определенную точку зрения. Мы же, основываясь на подробном изучении исторических данных и анализе устной традиции бурят, предлагаем несколько иной взгляд.

В документах XVII в. мы заметили, что роснuty, хотя и тесно связанные с хонгодорами, все же представляли отдельную группу, также состоявшую в близких отношениях с булагатами, в то время представлявшими главные силы бурят. Многие группы, вероятнее всего, заключали с ними союзы и в случае конфликта с другими территориальными объединениями и внешними силами старались заручиться их военной поддержкой. К примеру, так поступил один из булагатских союзников — икинатский вождь Баахай. Он «призывал, например, дружественных окинско-унгинских булагатов, шаронимцев (шарайт), рузанатов и цагатов в феврале 1654 г. в поход на удинских ясачных ашабагатов и корчунов, но те отказались» [5, с. 94] по причине, видимо, тех же союзнических отношений с последними.

Как мы видим, роснuty в виде отдельной группы под названием «рузанатов» отмечены вме-

сте с булагатами. Следовательно, они не входили в состав хонгодоров, представленных в указанном тексте под цагатами, записанными также в конце XVII в. под названием «Саганский» (Тойбинов улус) [6, с. 50], которое, по-видимому, употреблялось параллельно с основным именем хонгодоров. Отображением этого обстоятельства является хонгодорская генеалогия, отметившая данные обозначения в виде главных имен предков. Например, «Хонгодор → Саган → Ашхай → ...», «Хонгодор → Саган → Ашата → ...» [7, с. 286, 293, 297].

В другом акте (1662) и при иных обстоятельствах роснуты, записанные как «роенуты» (вероятнее всего, описка), также зафиксированы самостоятельным родом: «братские людишка» тетеревского рода — Турайко с братьями да Роенутского рода Колочейка «с детишками», Конкодорского рода Табайко «с улусными людьми» жаловались на верхоленских ясачных тунгусов, которые приходят «сверх Лены реки» и ходят по Иркуту, «опромышляют те наши угодыя» [5, с. 134]. Колочей(ка) / Колочи — это, скорее всего, Холши / Холшо-баатар — легендарный предводитель бурятской группы, составившей в XIX в. третий административный хонгодорский род [1, с. 300; 6, с. 50; 8, с. 161], известный в родословных преданиях под именем данного лидера. Т. е. современные холшиевцы — это и есть роснуты, утратившие свое первоначальное имя и в то же время принявшие наименование хонгодоров.

Предпосылкой к последнему явилось событие, произошедшее вследствие особых причин, главным образом, связанных с историей 1658 г., когда большая часть бурятских групп Предбайкалья откочевала в пределы Монголии [1, с. 300]. Но вскоре некоторые из них, в том числе роснуты и хонгодоры, возвратились в родные края [9, л. 33, 34], и среди реэмигрировавших немногочисленных родов первые оказались в зоне контроля русской администрации Балаганского острога Енисейского уезда, зафиксировавшей их неоднократно в актах под вариативным именем (*роснут*, *руснут*, *уруснут*, *урусурнат*) [1, с. 300], тогда как хонгодоры вошли под юрисдикцию Иркутской администрации. Ну а поскольку роснуты с хонгодорами локализовались на одной территории, то их, вероятно, объединяли в одну группу сменяющимся обозначением (в зависимости от приписки к разным острогам [1, с. 300]), что многим исследователям дало основание считать их всех хонгодорами. Последнее также относилось, например, к хабарнутам [1, с. 300], не связанным единой родословной с хонгодорами и холшиевцами-роснутами.

С утверждением ученых, исходя из вышесказанного, нельзя согласиться. К тому же, если рассмотреть наименование роснутов, то оно, по нашему мнению, имеет общие корни и семантику

с бурятским словом *оруули* — «чужаки» (буряты тунгусского происхождения) [9, л. 32, 33], с калмыцким *оруд* — «чужаки, принятые в калмыцкий род» (или «калмыки, происходящие от тюркоязычных этносов (татар, ногайцев и пр.)») [10, с. 82]; «поданный», «принятый со стороны» [11, с. 404]. Соответственно, имя роснутов выражало понятие «взятый» / «присоединенный». Доказательством этому также является лингвистический анализ, выявляющий в словах *роснут*, *руснут*, *уруснут*, *рузанат* и *урусурнат* искаженные, на наш взгляд, бурятские выражения *орос(о)нууд*, *орууснууд* / *оруузанад* и *оруусорнад*, в основе которых проявляется лексема *оросо* — «поступление, приход», «улов» или корень *оруу* — «вхожий» [12, с. 45, 46, 48] с суффиксами *-с/-со/-за/-сор* (последний употребляется в презрительно-уничижительном значении [13, с. 105, 108; 14, с. 25]) и окончание мн. ч. *нууд/-над* [15, с. 71, 72]. При этом отмечаемая вариативность имени роснутов, на наш взгляд, вызвана употреблением этнонима в качестве самоназвания группы — *ороснууд* / *орууснууд* / *оруузанад* и ее внешнего обозначения — *оруусорнад*. Последнее, судя по суффиксу, представляло прозвище, содержащее презрительный оттенок, и оно, скорее всего, употреблялось доминантной группой в отношении подчиненного формирования.

Выявленное значение имени роснутов указывает на обозначение чужеродного этнического элемента в раннебурятском сообществе, в котором главную роль играли булагаты — монгольские мигранты, подчинившие в конце XV — XVI вв. большую часть населения Предбайкалья [16, с. 113]. Т. е. роснуты являлись частью булагатского окружения, выступавшего вассальным элементом, видимо, смешанного этнического происхождения. Об этом рассказывается в родословном предании холшиевцев (роснутов), часть которых имела тунгусские корни. В легенде это подается таким образом: Сыновья Холши — Барлак и Басай [9, л. 110], имевшие по четыре отпрыска, не могли дождаться от своих жен рождения еще по одному сыну. Поэтому братья во время поездки в русское селение под названием Бадай купили у местного купца за один берестяной туесок двух мальчиков-эвенков. Домой привезли их в своих дорожных кожаных сумках (*уута*), привязанных к торокам. Вследствие этого про приемшей сложилась поговорка: «мориной ашаанда ерэнэн Гурануут» (на конских тороках прибывшие Гураны). Последнее слово, переводимое с бурятского языка как «самец косули», становится прозвищем тунгусских мальчиков и закрепляется впоследствии как родовое имя. Таким образом, став частью бурятского рода и традиции, эвенки обурятились, приобрели соответствующие навыки ведения скотоводческого хозяйства и совместно с другой частью холшиевцев на

равных принимали участие в их обрядах почитания духов-предков [9, л. 32, 33].

В легенде примечательно то, что совпадают, во-первых, количество эвенкийских мальчиков с их приемными родителями, во-вторых, эпизод, где дети предстают невольниками, а имена Барлак и Басай заключают понятие «раб, слуга». Объяснением является значение первого [17, с. 119, 120] и этимология второго. Как выясняется, связанное со словом *барлаг* глагол *барлаха*, означающий на бурятском языке «печатать», «тискать» [17, с. 120], по-другому — «давить», «сдавливаться», идентичен по семантике тюркской лексеме *бас* — «давить», «прижимать», «прессовать», «тискать», «печатать», «угнетать», «притеснять», «овладеть» и т. д., дающей, к примеру, производное *басык* — «сдавленный», «придавленный» [18, с. 75, 77], которое может быть соответствием бурятской фразы *басай*, принявшей такую форму при переходе от одного языка в другой. И еще одно замечание по поводу вышеуказанного предания — это общий для коренных и пришлых членов рода культ духов-предков. Отметим, что традиционно на родовые религиозно-обрядовые мероприятия в основном допускались представители кровнородственного клана. Следовательно, роснuty-холшиевцы и эвенкийская их часть в этническом отношении имели, видимо, общие корни или были близки по этнокультурным особенностям.

Полагаем, что объединяющим фактором являлась тюркская этногенетическая и этнокультурная основа, представленная, например, во фразе «хамнаган-урянха», применявшейся в отношении гуранутов-холшиевцев [9, л. 33]. В ней указывается на бурятском языке этническое имя последних *хамнаган* — «эвенк», «тунгус» и название элемента с тюркскими корнями — *урянха*, составивший с первыми единую общность. И, судя по всему, тот же урянхайский элемент вошел в качестве одного из компонентов в этническую основу главного объединения холшиевцев, на что указывает, например, вышерассмотренное тюркское имя Басай, тогда как Барлак сообщает о монгольской части формирования, скорее всего, с ойратскими корнями.

Кстати, урянхайские корни просматриваются у бурятских «ойратов» — сэгэнутской группировки родов, представлявшей, по преданиям, многочисленное и сильное сообщество, некоторое время являвшееся доминирующим формированием среди племен и родов Предбайкалья [19, с. 76, 140]. Однако, столкнувшись с пришлыми булагатами, они терпят поражение и теряют независимость. Разбитые, раздробленные, рассеянные по разным районам Предбайкалья и вместе с тем смешавшиеся с другими этническими элементами, сэгэнутские группы попадают в подчинение к булагатам и оказываются в положении данников

[16, с. 119]. И одними из них, видимо, были роснuty-холшиевцы. На это указывает смысл исторического названия холшиевцев — роснут (ороснууд / оруусорнад), коррелирующий со значениями монголо-тюркских имен их предков — Барлак и Басай. С последними, как мы думаем, семантически сопоставимо имя Хуриган, заменившее их по другому варианту холшиевской родословной [9, л. 119], в переводе с бурятского означающее «ягненок».

Как показывают наши исследования, образ животного небольшого размера в контексте иерархической конструкции общества выражает смысл второстепенности группы, подчиненности по отношению к доминантному роду [16, с. 121]. Это видно, например, в сопоставлении с присоединенными к холшиевцам гуранутами, родовое имя которых (в значении «косули») свидетельствует о зависимом положении и в то же время о чужеродном («лесном»), иноэтничном происхождении. Можно считать, что данное обстоятельство является отражением социально-политической системы раннебурятского сообщества, в котором существовал принцип иерархии в соответствии с этническим происхождением. Т. е. гурануты-тунгусы со своими сюзеренами холшиевцами-роснутами являлись вассалами булагатов. В целом подчиненное положение этнических групп булагатам в материалах устной традиции бурят и этнонимии воплощается в таких образах, как младенец, найденыш, детеныш животного, девушка, беременная женщина и т. д., выступающих персонажами второго плана и обусловленных одними и теми же объединяющими признаками, маркирующими низкий статус, чужеродность, объект захвата, бастарда [16, с. 121].

Однако во второй половине XVII в. в силу военно-политического влияния русского государства внутреннее устройство бурятского сообщества было нарушено, гегемония булагатов ослаблена. Возникли условия для образования новых союзов и объединений. Родовые группы, вышедшие из-под контроля булагатов, при содействии и покровительстве русских организовывались в отдельные формирования. Об этом, например, указывается в официальных документах Иркутской канцелярии, датированных 1688 и 1690 гг., в которых вышедшему из Монголии предводителю мигрантов Бахаку Ирбанову поручалось «... в своем улусе над прежними братскими староплатежными мужиками и над новыми мунгальскими выходцами смотреть накрепко, чтобы в них шатости и измены не было» [20, с. 136]. Под «братскими староплатежными» подразумеваются хонгодоры [9, л. 26], роснuty-холшиевцы, находившиеся в составе Ирбанова улуса, и др. [6, с. 50].

Т. е. в конце XVII в. их всех организовали в одну административную единицу, послужившую основой для формирования нового этнолокального объединения под именем хонгодоров, вероятнее всего, как самой многочисленной группы. К этому также вполне могли располагать общность истории, территория проживания, а также подчиненность одной Иркутской администрации. Об этом, к примеру, свидетельствует документ, датированный 1688 г., в котором говорится о военном отряде численностью 150 вооруженных конников, призванных из бурятских улусов, расположенных по р. Китой и Белая, для пополнения русского казачьего контингента иркутского воеводы [21, с. 312]. Судя по названию рек, вооруженные буряты происходили из хонгодоров, роснудов-холшевцев и других групп, расселенных по Белой и Китой [7, с. 286]. Их участие в военных мероприятиях отразилось в преданиях, повествующих о предводителях, титулованных званием *баатар* – «богатырь» и *хушууши* – «передовой», «вожак» [12, с. 477]. К примеру, Ута байма баатар, Холши баатар, Даши баатар и Хуриган хушууши. Первый относился к роду Бахака Ирбанова [9, л. 100], последующие были из роснудов, родственность которых указывается генеалогической традицией. В частности, «... Холши баатар → Хуриган Хушууши → Даши сагаан → ...», именуемый по-другому Даши баатар [9, л. 119, 120].

Из этого следует также, что один из вооруженных отрядов бело-китойского ополчения возглавлялся роснудскими предводителями, оставшимися в памяти потомков под именами основателей родовой группы – Холши, Хуриган (см. выше) и Даши. При этом из этого формирования выделилось подразделение под последним именем и образовало самостоятельную родовую группу в составе хонгодорского этнолокального образования. Это, например, отображается в родословных преданиях следующим образом: «1) Ашата, 2) Ашхай,

3) Холшо баатар, 4) Ута байма баатар, 5) Даши баатар, 6) Найдар, 7) Нашан, 8) Бадархан, 9) Боолдой» [22, с. 334]. В этой связи надо сказать, что ввиду разделения роснудов на два рода со своими отдельными обозначениями и их включение в общий процесс образования новой бурятской общности оказало влияние на утрату первоначального имени – *ороснуд* (или *оруусорнад*), поскольку в то же время они принимают общее для всех групп новообразования административное название «хонгодор». В хронологическом отношении данные преобразования, соотносящиеся с XVIII-XIX вв., имели результатом выработку роснудами (холшевцами и дашевцами) осознания единства с хонгодорами и общей с ними генеалогической традиции, отразившей составившийся племенной социум.

Таким образом, исследование показывает, что этническая группа, известная в историографии под именем роснуд, сформировалась в ходе образования раннебурятского социума из смешения монгольского (ойратского), тюркского и тунгусского компонентов и выступала его составной частью до середины XVII в., что, например, доказывается этимологическим анализом этнонима. Но в результате реорганизации социально-политической системы бурятского сообщества, вызванной внешними факторами, этническое название после XVII в. исчезает из истории, а его носители уже под другими именами фиксируются в составе одного из этнолокальных образований бурят, и их наличие отмечается современной этнографией. Все это свидетельствует о весьма сложных этнических процессах формирования как отдельных групп, так и сложения крупных объединений. Вместе с тем, их исторические корни уходят во времена, когда в Предбайкалье существовали различные этносы, ставшие основой для образования бурятских групп.

Литература

1. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 823 с.
2. Дугаров Д.С. К проблеме происхождения хонгодоров // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1993. С. 207-235.
3. Зориктуев Б.З. Актуальные проблемы истории монголов и бурят. М.: Вост. лит., 2011. 278 с.
4. Павлов Е.В. К этимологии этнонимов уруснуд, хонгодор и сагаан // Ономастическое пространство и национальная культура: материалы междунар. науч.-практической конф. Улан-Удэ, 2006. С. 119-121.
5. Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII-XVIII вв.). Л.: ОГИЗ: Гос. соц-экон. изд-во, Ленингр. отд-ние, 1937. 424 с.
6. Долгих Б.О. Некоторые данные к истории образования бурятского народа // Советская этнография. 1953. № 1. С. 38-63.
7. Балдаев С.П. Родословные предания и легенды бурят. Забайкальские буряты. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. 368 с.
8. Егунов Н.П. Бурятия до присоединения к России. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1990. 176 с.
9. Балдаев С.П. Буряты. О бурятах племени хонгодор. 1952 г. // Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 828. Л. 26, 32, 33, 34, 100, 110, 119, 120.
10. Эрдниев У.Э., Максимов К.Н. Калмыки: историко-этнографические очерки. 4-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 429 с.
11. Калмыцко-русский словарь. 26000 слов / под ред. Б.Д. Муниева. М.: «Русский язык», 1977. 768 с.

12. Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. В 2 т. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2010. Т. 2. О-Я. 708 с.
13. Семенова В.И. Личные имена эхиритских бурят. Иркутск: Иркут. ун-т, 2005. 190 с.
14. Дондуков У.-Ж.Ш. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964. 246 с.
15. Будаев Ц.Б. Бурятские диалекты (опыт диахронического исследования). Новосибирск: Наука, 1992. 217 с.
16. Болхосоев С.Б. Этнополитическое пространство бурятского племени «булагат» в XVI-XVII вв. // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2018. Т. 25. С. 112-127.
17. Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. В 2 т. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2010. Т. 1. А-Н. 636 с.
18. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на букву Б. М.: Наука, 1978. 349 с.
19. Балдаев С.П. Избранное. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1961. 256 с.
20. Записки ВСОРГО по этнографии. Иркутск, 1889. Т. 1. С. 136
21. Сборник документов по истории Бурятии. XVII век / сост. А. Н. Румянцев, С.Б. Окунь. Улан-Удэ, 1960. Вып. 1. С. 494.
22. Балдаев С.П. Бурят арадай аман зохоолой түүбэри (Устное народно-поэтическое творчество бурят). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. 412 с.